

УДК [821.161.1+821.581]:398.21

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ СКАЗКИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сяо Кайсянь,
*аспирант кафедры языкознания
и лингводидактики Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка*

Поступила в редакцию 14.05.19.

На примере русских и китайских сказочных персонажей охарактеризованы прецедентные феномены русской и китайской сказок как социокультурные ценности народа, формирующие национальную языковую картину мира. Прецедентные феномены являются инструментом сохранения и передачи культурной памяти народа от поколения к поколению, отражают социальные эталоны нации, ее культурные стереотипы и нравственные идеалы.

Ключевые слова: языковая картина мира, прецедентные феномены, прецедентное имя, национальный характер, национальный менталитет, лингвокультурологическая специфика сказочных образов.

On the example of Russian and Chinese fairy-tale characters the precedent phenomena of Russian and Chinese fairy-tales as social and cultural values of the people forming the national linguistic picture of the world are characterized. Precedent phenomena are a tool for preservation and transmission of cultural memory of people from generation to generation; they reflect the social standards of the nation, their cultural stereotypes and moral ideals.

Keywords: language picture of the world, case phenomena, case name, national character, national mentality, linguistic and cultural specificity of dream-like images.

Современное языкознание, сложившееся в рамках новой научной парадигмы – антропоцентрической – активно интегрирует с другими науками в своем стремлении объяснить язык как глобальное средство коммуникации, как продукт культуры, как фактор формирования культурных кодов. В этой связи большой интерес для лингвистики, социологии, психологии, лингвокультурологии, семиотики и других наук представляют прецедентные феномены включающие *прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию и прецедентное имя*. Впервые термин *прецедентный текст* был предложен и теоретически обоснован Ю. Н. Карауловым в 1986 г. К прецедентным текстам Ю. Н. Караулов относит тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широко окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1, с. 216]. При этом ученый отмечает, что прецедентный текст является в широком смысле культурным

UDC [821.161.1+821.581]:398.21

PRECEDENT PHENOMENA IN RUSSIAN AND CHINESE TALES: LINGUOCULTURAL ASPECT

Xiao Kaixian,
*Postgraduate Student of the Department
of Linguistics and Linguodidactics,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank*

Received on 14.05.19.

феноменом. Таким образом, термин *прецедентный феномен* как объект лингвокультурологического исследования попал в центр внимания русских ученых в конце 80-х гг. прошлого века, однако интерес к этому языковому явлению начал проявляться лишь в начале XXI ст.

Определение *прецедентность* сегодня употребляется очень широко. Оно применимо не только к текстам художественной литературы, но и к произведениям музыки, архитектуры и живописи, кино и др. Прецедентный феномен известен членам конкретного общества, он содержит общеизвестные ассоциации, вызывает одинаковые эмоции, связанные с культурными коннотациями, представляющими элементарные знания как инвариант восприятия определенных реалий при их активизации. Поэтому прецедентный феномен – это культурное наследие. Система прецедентного феномена является инструментом передачи и трансляции культурной памяти народа от одного поколения к другому, отражает социальные эталоны нации, ее культурные ценности и нравственные идеалы. С этой точки зрения сказки, являющиеся словесным искусством народа, художественным творче-

ством, а следовательно, важной частью культуры и истории нации, как нельзя лучше демонстрируют связь языка и культуры. В процессе исторического развития они приобрели узнаваемые языковые особенности и яркую стилистически маркированную окраску, отражающую национально-культурную специфику. Например, при упоминании о *Бабе-яге* россияне сначала представляют ее внешность: тонкий, горбатый, длинный орлиный нос, затем идет информация о том, что она колдунья, живет в избушке на курьих ножках, летает в ступе или на метле и т. д. В китайской культуре упоминание о «босоногих Святых» связано с легендой Даосизма: босоногие святые приходят в этот мир с неба, чтобы помочь людям убивать демонов.

Именно язык как важнейший компонент культуры выступает средством создания типичных сказочных образов, яркой особенностью которых является прецедентное имя. **Прецедентное имя** – это символическое имя, указывающее на эталонную совокупность определенных качеств лица, это «индивидуальное имя, связанное с широко известным, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или с прецедентной ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная» [2, с. 63]. Прецедентное имя используется как для обозначения конкретного человека (ситуации, города) в тексте, так и в качестве символа определенных качеств, событий, судеб людей. При этом некоторые имена связываются с определенным прецедентным текстом или ситуацией, например *дядя Стёпа*, *Шапокляк*, а некоторые имена не имеют связи с текстами или ситуациями, но они обладают при этом всеми признаками прецедентности, например, такие как *Софья Ковалевская*, *Моцарт*. Таким образом, прецедентное имя является лингвокультурологической единицей, которая обладает экспрессивной, символической, коннотативной функциями и в которой заложена способность передавать культурную информацию [3].

Народные сказки, в отличие от художественных произведений других жанров, «характеризуются использованием живых устных оборотов речи, которые не только раскрывают глубину философии народа, но и доставляют читателям большое эстетическое удовольствие. Они покоряют богатством вымысла, удивительным переплетением фантастического и реального» [4, с. 67]. В русской народной сказке выражаются ценности русского народа (соборность,

отношение к труду как к празднику, доброта как жалость к слабому, страдание как мотив добродетельных поступков и подвигов и т. д.). Китайская народная сказка представляет отношение китайцев к окружающему миру, систему их нравственных ценностей (трудолюбие, смелость, усердие, мастерство, почитание старших и т. д.). В сказках обоих народов осуждаются зло, лень, жадность, нечестность и другие человеческие пороки. Специфику китайских народных сказок составляет то, что в них борьба между злыми и добрыми духами оказывается нечеткой. Русские и китайские народные сказки различаются представлением деталей быта, культуры, психологических особенностей, а также системой прецедентных имен.

В сказках существуют традиционные образы, отражающие национальный характер и национальный менталитет. Для русских сказок – это *Иван Царевич* как выражение активной жизненной позиции («Три царства», «Кощей Бессмертный», «Молодильные яблоки» и др.) и *Иван-дурак*, отражающий такие черты русского характера, как душевность, с одной стороны, а с другой – пассивность, желание посозерцать («Сивка-бурка», «Волшебное кольцо», «Конек-горбунок» и др.), на что указывает известный русский культуролог В. Н. Сагатовский: «...можно выделить в культуре нации то, что является ее лицом, тот неповторимый вклад, который вносит эта культура в человеческую историю» [5].

Иван Царевич, воплощая лучшие моральные качества, – герой самых популярных русских волшебных сказок. *Иван-дурак*, или *Иванушка-дурачок*, как правило, крестьянский сын или сын старика и старухи; он часто является третьим, младшим сыном. Герой успешно проходит все испытания, женится на царской дочери, получает богатство и славу, потому что, по мнению отдельных исследователей, выполняет магическую функцию, связанную не с делом, а со словом, с обязанностями жреца или скомороха. «Дурак в русских сказках показывает не столько свою, сколько чужую глупость, особенно боярскую или царскую» [6, с. 39]. Кроме того, Иван-дурак демонстрирует в сказках «особую» речь, иногда напоминающую заумь, речь, насыщенную загадками, шутками, прибаутками, и даже нарушает фонетические или семантические принципы обычной речи. Его языковые парадоксы строятся на омонимии и синонимии, многозначности и многореферентности слова (соотнесен-

ность слова с индивидуальными и каждый раз новыми объектами и ситуациями), например: когда Иван-дурак убивает змея копьем, он говорит, что *зло от зла умерло*, метафорически сравнивая копье и змея со злом. Так представляется сказочный персонаж, который сегодня активно используется говорящими при характеристике определенных качеств человека, например: *Ты мой Иван-Царевич: не боялся гнева начальства, или: Ты как Иван-Дурак, такой же бездельник, тебе бы ничего не делать, а деньги грести лопатой*.

Прецедентное имя имеет определенную структуру, ядро которой составляют его дифференциальные признаки, представляющие сложную систему определенных характеристик, которые отличают данный предмет или имя от ему подобных, а периферию – атрибуты, сопутствующие имени, ситуации и т. д. Дифференциальные признаки прецедентного имени могут включать характеристику предмета по внешности, по чертам характера, а также могут актуализироваться через прецедентную ситуацию (*Марья Моревна*). Например, женщины-героини русских сказок очень красивые и мудрые. Эти характеристики находят отражение в их именах: *Елена Прекрасная, Василиса Премудрая*.

Одним из представителей злого начала в русских сказках является *Змей Горыныч* – многоголовый (чаще всего имеет 3 головы) огнедышащий дракон. Исследователи отмечают, что, в отличие от других народов, у которых этот образ – хранитель воды и хозяин природных стихий, у славян *Змей Горыныч* стал олицетворением страшного огненного оружия. Змееборческая символика древних мифов приобрела в сказках конкретный смысл – отражает мужественную борьбу славян с чудовищным врагом. Или *Баба Яга* – персонаж славянской мифологии и фольклора, старуха, наделенная магической силой, оборотень, ведьма. В сказках *Баба Яга* – образ противоречивый: с одной стороны, она дарит герою сказочного коня или волшебный предмет, помогает бороться с *Кощеем*, с другой – похищает детей, выступает силой, сражаясь с которой, герой приходит к другому уровню зрелости. Сегодня это прецедентное имя используется, скорее, как негативная характеристика характера человека: *Этой Бабе Яге делать здесь нечего, она лишняя на нашем празднике жизни*.

Функционирование прецедентного имени связано с особенностями его структурно-се-

мантического устройства. Прецедентное имя может быть номинацией определенного предмета, указывая непосредственно на денотат. Тогда оно выступает как имя собственное. Если актуализируются дифференциальные признаки прецедентного имени, не требующие его расшифровки, имя собственное является самодостаточным и функционирует как прецедентное, например: *Ты стал настоящим Змеем Горынычем* (то есть худым).

Традиционные образы, представленные в китайских народных сказках, отражают национальную специфику мировосприятия и представления китайского народа о добре и зле. Во многих китайских сказках встречается образ *дракона*. Он может быть отрицательным персонажем, приносить вред людям. Например, в сказке про лиса-оборотня дракон был черным, принес с собой ураган и молнию. Результатом чрезмерной жадности человека может быть превращение его в дракона. Пример доброго и справедливого дракона представлен в сказке «Глаза дракона», где персонаж помог человеку, вырастившему его, отдав свой правый глаз и избавив от слепоты. В то же время дракон выступает силой, наказывающей жадность (стал человека, который стал отнимать у людей все самое дорогое и хотел забрать у дракона второй глаз). В европейской культуре дракон в большей степени связан со злом, является собирательным образом врага, в китайской – символизирует доброе начало; он доброжелательный, сильный, мудрый, олицетворяет совершенство, энергию, прорыв, изобилие, процветание, удачу. Сегодня драконом называют человека, который всегда готов прийти на помощь, например: *龙王 (Лунван), 小白龙 (Сяо Байлун), 雷锋 (Лэйфэн)*.

В китайских волшебных сказках главные герои имеют собственные имена (*Чжан Шуань, Ли Хуа, Ван Лан, Ян У, Ху Сы* и др.); много оборотней (*дева-лотос; девица-камп; женщина-лисица; дева, сошедшая с картины; дух персикового дерева* и т. д.), что связано с верой в магическую способность к превращениям любого долго живущего зверя или старого предмета.

Лингвокультурологическая специфика народных сказок обусловлена культурными различиями этносов: персонажи русских сказок легко относятся к жизни, полагаются на чудодейственную силу; персонажи китайских сказок счастья добиваются усердным трудом. Герои русских волшебных сказок

могут переходить из сказки в сказку, их характеры постоянные, фиксированные. В китайских сказках у каждого героя есть собственное имя, своя история, место проживания, враги и помощники, специфические задачи, что и сегодня находит отражение в жизненных ситуациях, например: Лао Ли, Синьдяньчжэнь, Гуаньиньпань и др.

Русские и китайские народные сказки различаются положительными и отрицательными персонажами. В китайском фольклоре представителей нечистой силы гораздо больше. Они являются злыми или от рождения, или из-за того, что убегают из небесного дворца в земной мир или изгоняются Нефритовым императором за нарушение воли и закона небес [4]. В отличие от русских представлений, в мировосприятии китайцев грань между добрыми и злыми духами нечеткая. Например, китайский персонаж *Лунван* (龙王) (аналог русского *водяного*) может делать как зло, так и добро, поэтому и сегодня можно услышать такую фразу: *Ваш Лунван сегодня не в духе*. В сказках обоих народов есть сходные персонажи, но

выполняющие разные функции. Например: русский *леший* вредит людям, его китайский аналог – *Хуайшуцзин* (槐树精) может помогать, совершать добрые поступки; русский *водяной* делает людям зло: пугает и топит купающихся, выпускает из невода рыбу, разрушает плотины и т. д.

Таким образом, прецедентные имена, как и прецедентные феномены, в целом выступают отражением ценностных ориентаций национально-культурного сообщества, предлагая своего рода нормы поведения. Они играют большую роль при коммуникации людей, поскольку сжато, ярко и образно помогают выразить смысл текста, ситуации, устанавливая связь с культурным знанием, свойственным определенному народу. Сопоставительный анализ традиционных образов русской и китайской народной сказки позволяет выявить лингвокультурологический потенциал фольклорных текстов, связанный с разными национальными картинами мира, что может быть полезным в условиях межкультурного взаимодействия и поликультурного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Караулов, Ю. Н.* Роль прецедентного текста в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М., 1986. – С. 105–123.
2. *Гудков, Д. Б.* Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация. – Филология. № 4. – М.: МАКС Пресс, 1998. – С. 82–93.
3. *Гудков, Д. Б.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – М., 1997. – № 3. – С. 62–85.
4. *Цун, Япин.* Лингвистические особенности русских и китайских народных сказок в национально-культурном аспекте / Япин Цун // Вестн. Пермского ун-та. – 2012. – Вып. 1(17). – С. 67–70.
5. *Культура* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: lit.yaz.ru/kultura/49732/index.html?page=4. – Дата доступа: 28.03.2019.
6. *Татарникова, О. Н.* Антропоним Иван как объект лингвокультурологического анализа волшебных и новеллистических сказок / О. Н. Татарникова // Мир русского слова. – 2015. – № 4. – С. 38–42.

REFERENCES

1. *Karaulov, Yu. N.* Rol pretsedentnogo teksta v strukture i funktsionirovanii yazykovoy lichnosti / Yu. N. Karaulov // Nauchnyye traditsii i novyye napravleniya v prepodavanii russkogo yazyka i literatury: Doklady sovetskoy delegatsii na VI kongresse MAPRYAL. – M., 1986. – S. 105–123.
2. *Gudkov, D. B.* Pretsedentnoye imya v kognitivnoy baze sovremennogo russkogo yazyka / D. B. Gudkov // Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya. – Filologiya. № 4. – M.: MAKSS Press, 1998. – S. 82–93.
3. *Gudkov, D. B.* Kognitivnaya baza i pretsedentnyye fenomeny v sisteme drugikh yedinit i v kommunikatsii / D. B. Gudkov, V. V. Krasnykh, I. V. Zakharenko, D. V. Bagayeva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. № 3. – M., 1997. – S. 62–85.
4. *Tsun, Yapin.* Lingvisticheskiye osobennosti russkikh i kitayskikh narodnykh skazok v natsionalno-kulturnom aspekte / Yapin Tsun // Vestn. Permskogo un-ta. – 2012. – Vyp. 1(17). – S. 67–70.
5. *Kultura* [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: lit.yaz.ru/kultura/49732/index.html?page=4. – Data dostupa: 28.03.2019.
6. *Tatarnikova, O. N.* Antroponim Ivan kak obyekt lingvokulturologicheskogo analiza volshebnykh i novellisticheskikh skazok / O. N. Tatarnikova // Mir russkogo slova. – 2015. – № 4. – S. 38–42.